

О. В. Седельникова

*Томский государственный университет
Томский политехнический университет*

**Парижские заметки
путевого дневника А. Н. Майкова 1842–1843 годов:
к вопросу об особенностях мировоззрения поэта**

Аннотация. Рассмотрены особенности содержания парижских заметок путевого дневника А. Н. Майкова 1842–1843 гг. Дневник отражает характерные особенности мировоззрения молодого поэта и выявляет диалектизм его суждений об актуальных проблемах эпохи, стремление отойти от однобоких оценок и сформировать полноценное представление о том, что поэт видит вокруг. Вводимые в научный оборот материалы позволяют достоверно судить о том, что позиция Майкова в 1840-е гг. характеризуется пристальным вниманием к насущным проблемам общественной жизни европейских государств, в том числе к политическим противоречиям, осмысляемым с либерально-гуманистических позиций.

The paper investigates the peculiarities of the contents of Parisian notes in Apollon Maikov's traveller's diary of 1842–1843. The diary reflects the characteristic features of the young poet's world outlook and pinpoints the dialectics of his view of the epoch's topical problems, his intention to abandon lopsided assessments and to form a full understanding of what the poet sees around him. The materials that are made known as results of new literary studies make it possible to assert with certainty that Maikov's position in the 1840s was characterized by his keen attention to urgent problems of the social life in the European states, including the political contradictions interpreted by him from liberal and humanistic standpoints.

Ключевые слова: дневник, Майков, Париж, мировоззрение, история, общественное сознание.

Diary, Maikov, Paris, world outlook, history, social mentality
УДК 821.161.1. Майков-992.

Контактная информация: пр. Ленина, 30, Томск, 634050; +7 (382 2) 56 32 97;
sedelnikovaov@tpu.ru

В немногочисленных исследованиях, посвященных изучению мировоззрения А. Н. Майкова, прочно закрепилось мнение об аполитичности и буржуазности поэта. В советском литературоведении Майков считался представителем «чистого искусства», сформировавшимся в «барски-эстетском окружении» [Цейтлин, 1950, с. 30], далеким от современных вопросов, проявлявшим крайний консерватизм в общественных взглядах [Степанов, 1966; Прийма, 1977]. Подобные оценки давались часто без детального анализа произведений и без привлечения материалов архива поэта. В настоящее время творчество Майкова за исключением поэтиче-

ского наследия остается малоизученным, а многочисленные документы архива, содержащие богатейший материал для исследования жизни и творчества самого поэта и культурной и общественной жизни России 1840–1890-х гг. в значительной степени не введены в научный оборот. На необходимость существенного пересмотра представлений о личности Майкова, о процессе его внутреннего развития, отношении к себе и к своим произведениям указал И. Г. Ямпольский [Майков А. Н., 1977, с. 72–73], подготовивший ряд ценных публикаций и, таким образом, начавший восстановление адекватных научных представлений о личности и творчестве поэта [Ямпольский, 1976; 1979; 1992; Майков, 1977; Из архива А. Н. Майкова..., 1978; А. Н. Майков..., 1979].

Значительный интерес для изучения мировоззрения и эстетики Майкова представляет его дневник 1842–1843 гг. [Майков, 2013]. Репрезентативность документа обусловлена возрастом автора дневника и особым жизненным контекстом. В 1842 г. Майкову исполнился 21 год. Он окончил университет и находился в самом начале пути, в состоянии активного личностного и творческого самоопределения [Там же, с. 235–236]. В августе 1842 г. А. Н. Майков вместе с отцом, академиком живописи Н. А. Майковым, отправился в путешествие [Златковский, 1898, с. 25–26]. В Россию он вернулся в марте 1844 г. Дневник передает события первых шести месяцев путешествия по Европе: с 19 августа 1842 по март-апрель 1843 г. Записи фиксируют впечатления молодого поэта от многодневного морского плавания от Кронштадта до Гавра, переезда в Париж и трехнедельного пребывания в столице Франции, двухнедельного переезда в Италию, маршрут которого пролегал через Швейцарию и Альпийские перевалы, наконец, первых месяцев жизни в Риме [Майков, 2013, с. 235–294].

Париж стал первым городом, в котором путешественники остановились на продолжительное время: с 5 / 17 сентября по 24 сентября / 4 октября 1842 г. [Там же, с. 238–240]. Заметки, сделанные в столице Франции, более всего близки к традиционным представлениям о дневнике как «журнале подневных записей» [Егоров, 2002, с. 7], они упорядочены и тематически структурированы. Сопоставляя их с предшествующими и последующими, можно предположить, что это во многом обусловлено, с одной стороны, тем, что столица Франции – одна из целей путешествия, а с другой – даже с самим характером жизни в Париже: более оседлым и физически спокойным по сравнению с предшествующей дорогой. Однако далеко не все парижские записи датированы: таков фрагмент, отражающий события первых двух недель пребывания в Париже (с 5 / 17 по 17 / 29 сентября). Майков описывает общее нелестное впечатление от знакомства с Парижем, а затем представляет нумерованный список осмотренных за это время исторических и архитектурных памятников (церкви Магдалины, Лувра, Пале-Рояля, Notre Dame и церкви в Сен-Дени, Пантеона, Палаты депутатов, гобеленовой мануфактуры, театров, садов, площадей). Заметки включают в себя короткие и емкие характеристики, сопровождаемые анализом нравственно-этических и эстетических особенностей осмотренных памятников [Майков, 2013. С. 16–38]. За этим следуют четыре датированные записи. 17 / 29 сентября Майков описывает впечатления от посещения парижской Академии художеств, далее следует несколько коротких абзацев субъективно-эмоционального, шутливо-бытового и финансового содержания. 18 / 30 сентября он описывает купленные книги, посещение кладбища отца Лашеза и впечатления от церкви Святого Роха. 19 сентября / 1 октября – посещение Люксембургского дворца, в том числе короткие и емкие характеристики деятельности Людовика XVIII и картин современных французских художников, представленных в созданной во дворце галерее. Запись от 20 сентября / 2 октября посвящена поэтическому описанию Версаля в сравнении с Сен-Дени. 22 сентября / 4 октября Майков пишет о посещении В. Г. Теплякова.

В дневнике Майков фиксирует свои собственные впечатления, не соотнося их с известным контекстом путевых заметок, с традиционным отношением русских путешественников к этим городам и странам. Парижские заметки пронизаны остро критическим отношением молодого поэта к фактам жизни европейской цивилизации, воспринятой им прежде всего через жизнь Франции. Франция и Париж становятся в его сознании ярким проявлением сущности современного состояния Запада, главным образом, в аксиологической плоскости. Автор дневника неоднократно подмечает поверхностность и непостоянство французов. Особенно ярко это проявилось в самой первой парижской заметке, написанной, как указывает сам Майков, по впечатлениям первых дней:

«В самом деле, положение иностранца в Париже как будто неестественное, да кажется, что и самая жизнь французов – тоже *factice*¹, поддельная: жизнь чисто внешняя, которой предаваться могут только люди, у которых в голове и в душе должно быть очень пусто, происходит ли эта пустота от разочарования и утраты чувств, или от малого запаса знаний, составляющих источник тихих, более красивых наслаждений. *Paru qu' ils ont abusé de tout*² <...>» [Майков, 2013, с. 17].

Критическое отношение к Франции и Парижу было не очень характерно для русских путешественников того времени, тем более для молодежи. Критика французов и французской жизни продолжается в письмах Майкова родным и друзьям. Так, описывая подробности повседневной жизни, он с раздражением сообщает:

«До сих пор здесь (в Париже. – О. С.) стояла такая стужа, что мы, жители севера, привычные к тому, мерзли, как никогда не случалось мерзнуть в Питере, а французы-бестии ходят по улицам в одних фраках, что меня крайне бесит, ибо кажется, что эти дармоеды из [нрзб.] уверяют, что у них все хорошо, стараются и себя убедить, что им тепло. Черт их возьми! Надоели мне они, как горькая редька. Хвастовство на каждом шагу, начиная от Вандомской колонны, Версаля, триумфальных арок, – до последнего сапожника...»³.

Эпистолярное наследие поэта 1842–1844 гг. сохранилось только частично. Письмо, содержащее подробное разъяснение неприятия Майковым образа жизни французов и адресованное М. П. Заблоцкому-Десятовскому, обнаружить не удалось. О его существовании свидетельствует первое письмо родным и друзьям из Рима, в котором поэт после долгого молчания подробно, по пунктам отвечает на все вопросы, критические замечания и недоумения близких. После знаменитого описания знакомства с двумя Римами, опубликованного И. Г. Ямпольским [Из архива А. Н. Майкова..., 1978, с. 40–42], между прочими ответами, Майков пишет:

«Третья жалоба по порядку вступления и прочтения принадлежит многим: Валерику, Мишке Забл<оцкому>, и, я думаю, еще многим и не писавшим мне ничего: отчего мне не понравились французы? На сей раз вм<есто> ответа прошу прочесть прилагаемое здесь в письме к Заблоцкому, в ответ на его бесконечное послание, где я оправдываюсь по пунктам, хотя упустил все же многое, что бы

---

¹ неестественная (фр.).

² Кажется, что они всем пресытились (фр.).

³ См.: Майков А. Н. Письма Е. П. и Н. А. Майковым. 1840–1857 гг. // ИРЛИ. № 16994. Л. 33 об. (Далее ссылки на этот источник делаются в тексте в круглых скобках с указанием листа.)

должно было прибавить, и именно не коснулся самого характера нации, самого вздорного, хвастливого» (л. 9 об.).

Высказанная в письме точка зрения удивила и родственников и ближайших друзей и определила содержание ответных писем. Заставить А. Н. Майкова посмотреть на французов с другой стороны, не критиковать, а попытаться понять особенности их национального характера и исторического пути стремятся в своих письмах Вл. Андр. Солоницын и М. П. Заблоцкий-Десятовский. Свое мнение по этому поводу высказали в ответных письмах также Вл. Ап. Солоницын и С. С. Дудышкин [Седельникова, 2006, с. 80–81].

Сопоставление дневниковых заметок и писем Майкова родным, написанных осенью 1842 г. (до приезда в Италию), показывает, что ряд фрагментов писем из Парижа и Милана почти дословно повторяют отдельные дневниковые записи или сообщают о том, что стало предметом дневникового нарратива, но несколько другими словами в силу адресованности конкретного сообщения определенному лицу (ср. записи в дневнике [Майков, 2013, с. 35, 39–40, 70] и в письмах (л. 33 – 33 об., 25 – 25 об.)). Судя по ответу Заблоцкого [Седельникова, 2006, с. 80–81], критические замечания Майкова в адрес французов были связаны с судьбой Пантеона. Впечатления об осмотре этого здания сохранились в дневнике, где в нумерованном списке осмотренных памятников Парижа, составляющем первую объемную запись, под номером пять читаем:

«Пантеон – огромное здание, архитектурно похожее на наш Исакий, заложенное при Людовике XV в 1764 г. как церковь во имя св<ятой> Женевиевы, патронессы Парижа. Строил ее Soufflot. Это здание может служить *примером безалаберности и непостоянства французов*. Во времена революции уничтожены все, напоминавшие религию, барельефы, изображавшие жизнь И<исуса> Х<риста>, сброшены, и вместо них нарисованы разные мифологические божества, соответствовавшие новому назначению здания – *aux grands hommes la patrie resonnaissante*⁴. Потом при Наполеоне или при Бурбонах (не помню) это назначение переменялось в прежнее, и снова начались здесь богослужения. В революцию 30 года опять церковь обращена в Пантеон, и старинная революционная подпись возобновлена. Но что же это такое этот Пантеон? Не Капитолий ли древнего Рима, не в нем ли заключаются статуи великих мужей, которые рукой и головой своей служили на возвеличение отечества? Не стоят ли они там, как некогда статуи римских героев и ораторов окружали форум?.. Входите, и вас поражают голые пустые стены, внутренность, не имеющая никакого значения, никакой идеи, никакого символа, который бы напоминал об громком и высокопарном назначении здания. След<овательно>, всякий эффект лопнул. Правда в подземельях наделаны мрачные кельи для принятия гробов великих мужей, но гробниц там всего четыре, и то без вкуса, – гробницы Ланна, Лагранжа, Вольтера и Руссо...» [Майков, 2013, с. 26–28].

Внимание поэта привлекает историческая судьба Пантеона, эксплицирующая противоречия политической истории Франции. Майков размышляет о том, как ложные политические приоритеты отвлекли французский народ на многие десятилетия от осмысления потребностей национальной культуры, перетянув все силы на бесплодную политическую борьбу, результаты которой несколько не улучшили условий жизни, но лишили общество нравственных ориентиров и привели к деградации систему нравственных ценностей.

---

⁴ великим людям от благодарной родины (фр.).

Упоминание Пантеона в ответном письме Заблоцкого и характер его последующих размышлений указывает на то, что утраченное письмо Майкова было первым его посланием из Парижа, написанным, судя по датам дневниковых записей и расположению рассмотренного фрагмента, спустя неделю после приезда в столицу Франции [Майков, 2013, с. 238–239]. Нелестная характеристика французов и упреки в их адрес в «тщете и пустозвонстве» были связаны с самыми первыми впечатлениями поэта от знакомства с Парижем, обусловленными осознанием глубокого драматизма событий французской истории последних пятидесяти лет. Таким образом, характер критических замечаний Майкова о Франции, вызвавших активную полемику в ответных письмах друзей, можно реконструировать по первой объемной записи парижской части дневника.

Бегло анализируя особенности французской общественной жизни последних десятилетий, Майков обнаруживает за внешней «кипячкой европейской жизни» странную бессмысленность и безыдейность движения, обусловившую деструктивность культурных процессов в настоящем. С другой стороны, знакомство с Европой становится для Майкова значимым моментом в процессе уяснения собственной национальной самобытности, особой формой самопознания. Вследствие этого в содержательную структуру дневника вводится проблема культурного самоопределения. Здесь Майков, очевидно, ориентируется на каразинскую традицию, обозначившуюся в «Письмах русского путешественника».

Страницы дневниковых записей, а еще более писем, посвященных описанию Франции, полны сравнений с Россией, Петербургом, русской историей, памятниками культуры, отражающими последовательность исторического движения и активность духовного подвижничества россиян, тогда как последние события французской истории демонстрируют забвение национальной идеи. Знаки высоты духовного развития французского народа Майков видит лишь в прошлом, осматривая соборы Парижа, которые, порой, поражают его своим совершенством и выраженным в них напряжением духовных устремлений. Особенно привлекают внимание поэта готические храмы (Notre Dame, Saint-Denis) и церковь Святого Роха. В облике последней он подчеркивает органичность синтеза разных видов искусства, значительно усиливающего впечатление зрителя, эмоциональное переживание увиденного:

«...в ней есть одна счастливая мысль, и исполнение тоже как нельзя счастливее: с левой стороны есть какая-то *chapelle*, войдите в нее. Темно. Перед вами в глубине большая арка, в арке стоит мраморное огромное распятие и Магдалина, освещенные светом, падающим сверху, за ним стена расписана: голубое небо, тучи и больше ничего. Но я никогда ничего не видел эффектнее. Это торжество соединенных искусств – живописи, скульптуры и архитектуры, самый мрамор <...> кажется, дышит. <...> Да, католицизм почтен яко хранитель и почитатель искусств. За это прощу ему многое, достойное осуждения, религия должна действовать на чувства, а не говорить разуму» [Там же, с. 43].

Описание церкви проявляет интерес Майкова к проблемам рецептивной эстетики, влиянию художественного произведения на душу созерцателя. Очень важна здесь и оговорка о католицизме. К осмыслению католицизма в соотношении с православием в контексте рассмотрения проблемы отношений между Россией и Европой Майков активно обратится в 1860–1870-е гг., особенно в эпистолярном диалоге с Ф. М. Достоевским 1867–1871 гг. При очевидном уже сейчас критическом отношении к католицизму как государственному институту Майков, таким образом, признает, что некогда он имел огромное положительное влияние на искусство. При переходе от античности к средневековью он позволил преодолеть глубокий нравственный кризис и обогатить красоту формы богатством внутрен-

него содержания. Об этом высоком значении христианства в истории европейского искусства Майков рассуждает в разборе академической выставки 1849 г. [Майков, 1849, с. 26–27]. Дневниковая запись демонстрирует ранний интерес будущего критика к осознанию закономерностей развития искусства и свидетельствует о диалектическом подходе к восприятию любого жизненного явления.

Трагическая судьба многих из осмотренных Майковым памятников архитектуры в контексте современной истории Франции становится для автора дневника доказательством пустоты и бессмысленности той «суеты», которая составляет жизнь французского общества в последние десятилетия.

Общественные взгляды молодого Майкова нельзя однозначно охарактеризовать как последовательно западнические или славянофильские. Уже в первой половине 1840-х гг. в его сознании складывается основной круг идей, обусловивших мировоззренческую близость с Ф. М. Достоевским и предопределивших его сближение в 1860-е гг. с идеологами почвенничества [Седельникова, 2006, с. 35–47, 75–90]. Дневник отражает характерные особенности мировоззрения Майкова и выявляет диалектизм его суждений об актуальных проблемах эпохи, стремление отойти от однобоких оценок и сформировать полноценное представление о том, что видит вокруг. Интерес к европейской культуре и безусловное уважение к ее высоким достижениям соседствует с критическим восприятием характерных проявлений повседневного быта европейских народов, определяющих особенности политических процессов и характера общественной жизни. При резкости ряда высказанных оценок Майкова нельзя обвинить в исключительной однобокости суждений. На фоне общего критического отношения к проявлениям общественной и культурной жизни современной Франции особенно репрезентативными становятся замечания, связанные с войной 1812 г., еще памятной как лично пережитое событие ныне живущими поколениями русских и французов.

Первое упоминание о Наполеоне в дневнике вызвано посещением Дома Инвалидов: «Видел гробницу Наполеона и вспомнил Пушкина: “Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал!”» [Майков, 2013, с. 29]. Майков лаконично передает весь комплекс возникших у него ассоциаций короткой цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Чудесный жребий совершился» (1821). Важно, что образ Наполеона вызывает в сознании автора дневника подобный ход мыслей: Отечественная война 1812 г. стала не проклятием, но великим моментом в истории России.

Через несколько листов в списке осмотренных памятников Парижа Майков упоминает о посещении панорамы московского пожара 1812 г. Она вызывает его восхищение:

«Вид очаровательный! рисунок верен натуре, воображение может придать верности и пламени, пожирающему здания. Вспомнил здесь о маменьке: она бы пролила слезы при виде кремлевских башен, внезапно окружающих ее ото всюду; тщетно стараешься заглянуть сверху и снизу – где же Париж, который сейчас шумел предо мною – он исчез; его вовсе не видать; вы на одной из кремлевских башен, далее идут его стены, зубцы, там колокольни, индейские и византийские куполы; каменный московецкий мост, под которым струится вода, так что слышится ее падение...» [Там же, с. 32–33].

Грандиозное полотно французского художника-баталиста Ж.-Ш. Ланглуа, открывшего жанр панорамы для батальной живописи, было выставлено в Париже в 1839 г. в выставочном павильоне на Елисейских Полях и вызвало восторг и удивление зрителей [Ланглуа Жан-Шарль, 1914]. Майкова, унаследовавшего от матери, коренной москвички [Гродецкая, 1994, с. 464], искреннюю любовь к Москве, удивила историческая достоверность и объективность изображения

старой русской столицы французским мастером, характеризующая в его сознании здесь нацию в целом. Очевидно, что если бы художник позволил себе нарушить достоверность и внести коннотации, связанные с переживанием последующего поражения французов, картина бы произвела противоположное впечатление и дополнила бы список национальных недостатков. В письме родным, описывая это яркое впечатление, Майков оставляет важный комментарий:

«...замечательно, что это первая картина из похода Наполеона в Россию. Версаль наполнен изображением его побед в Германии, Италии и Африке, но из этого похода есть только “Bataille de Smolensk”⁵; заметьте, bataille⁶, а не prise⁷ Скромно и верно, оттого и удивительно» (л. 33 об.).

Путешественника, подмечавшего ранее все более негативные стороны национального характера французов, удивило само обращение к теме Московского похода, закончившегося столь печально как для Наполеона, так и для Франции в целом. Объективность взгляда Ланглуа заставила Майкова вспомнить увиденную им в галерее Версаля картину «Bataille de Smolensk», видимо, написанную этим же художником. В названии полотна его поражает именно словоупотребление «*битва*», а не «*взятие*», отражающее историческую перспективу столь печального для России события войны 1812 г. В результате осмысления этих фактов Майков начинает видеть французов в новом свете – как нацию, способную к объективному взгляду на недавние исторические события. Последнее позволяет автору дневника осознать положительные стороны национального самосознания французов.

Эти размышления получают развитие в другой записи, посвященной сопоставлению Вандомской и Александрьевской колонн:

«Колонна Вандомская – самая высочайшая из Парижских колонн, но ниже Александрьевской, и менее достойна уважения, ибо сложена из камней, а та есть кусок цельного гранита. Прекрасная мысль поставить наверху этой колонны маленького капрала в том костюме, как он его создал, и в этом отношении, как ни мысли толпа по выполнению, эта статуя лучше Ангела в длинной, глупой рясе, поставленного на Александрьевской колонне. По-моему, бы у нас надобно было поставить не Ангела, а статую Александра: пусть бы два соперника имели бы на двух площадях Европы одинакие монументы, ибо славы отнять ни у того, ни у другого нельзя; пусть бы они как бы переглядывались между собою, вознесшись в области заочны. Французы, значит, умеют ценить людей, а мы, мы все говорим: “Так Богу угодно”. Если Богу было угодно дать нам силу сломать рог Наполеона, так Богу ставить памятники ни с чем не сообразно» [Майков, 2013, с. 36–37].

Высказанные суждения отражают особенности позиции Майкова по отношению к хорошо знакомой ему концепции славянофилов. В них намечается любопытная диалектика соотношения личного и общенационального, государственного. Автор дневника ценит способность французов признать значение исторической личности и уважать масштаб ее деяний. Вследствие этого ему кажется неуместным то, что Александрьевскую колонну венчает не скульптурный портрет Александра I, в царствование которого Россия «сломала рог Наполеона», а статуя Ангела. Это свидетельствует о том, что Россия еще не научилась уважать личность и признавать ее достоинства в отличие от Франции и других европейских го-

---

⁵ Смоленская битва (фр.).

⁶ битва, сражение, баталия (фр.).

⁷ взятие, захват (фр.).

сударств. Подобное положение человека в обществе, по мнению Майкова, неизменно тормозит культурное развитие нации и мешает совершенствованию общественных отношений вследствие отсутствия баланса между частными устремлениями личности и масштабными государственными задачами. Уточнение этой мысли, касающейся необходимости изменения ценностных приоритетов в сознании российского общества, выражено автором дневника в заметке о военных учениях, за которыми он наблюдал на Елисейских Полях:

«...отличит<ельный> характер парада у нас – поглощение индивидуального частного лица общею массою, уничтожение всех, идеи человека в каждом лице, для составления одной общей идеи. Здесь, напротив, свобода в том состоит, что каждый есть лицо, имеющее сознание самого себя, не только как части целого, а живущего для себя. Такое положение ближе к идеалу человечества; положение вещей у нас имеет результатом только силу массы, силу государства как целого, и точно, она-то и есть основа могущества России, как прежде было в Афинах, Спарте, Риме, во Франции при Людовике XIV отчасти, мгновенно при Наполеоне» [Майков, 2013, с. 36–37].

Таким образом, отдельные факты французской общественной и культурной жизни при сопоставлении их с российскими аналогами вызывают у Майкова очевидное одобрение.

Осмысление Отечественной войны 1812 г. и ее последствий, возникающее в путевом дневнике Майкова в контексте соприкосновения с фактами французской культуры, дает любопытный результат. С одной стороны, оно подчеркивает величие и национальное достоинство русских, но не умаляет французов, а позволяет увидеть положительные проявления их национального самосознания. Таким образом, культурная память о войне формирует определенный ракурс размышлений, развивает самосознание русской интеллигенции, позволяет, как в волшебном зеркале, лучше увидеть себя и свои национальные особенности, не только подчеркнуть достоинства, но выявить недостатки и наметить пути их преодоления.

С каждой новой записью в дневнике проявляется диалектизм Майкова в восприятии фактов французской истории и культуры, приводящий в итоге к осмыслению драматизма исторических процессов, движимых эгоистическими потребностями королевской власти или восставшего против нее народа. Подтверждением этого становится последняя посвященная осмотру памятников Парижа запись, сохранившая впечатления Майкова о посещении Версаля [Майков, 2013, с. 46–48].

В целом в парижских заметках путевого дневника Майкова 1842–1843 гг. проявляются важнейшие грани мировоззрения и эстетики поэта: живой интерес к социальным проблемам, осмысляемым с либерально-гуманистических позиций, глубокий историзм в оценке фактов национальной истории и культуры Франции, стремление к диалектичности их восприятия и объективности заключений, интерес к проблеме отношений личности и общества, активность в осмыслении национальной самобытности русской истории и культуры в контексте событий 1812 г.

Список литературы

- А. Н. Майков о своей трагедии «Два мира» / Публ. И. Г. Ямпольского // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38, № 4. С. 381–392.
- Гродецкая А. Г. Майкова Евгения Петровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 464–465.
- Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX в.: Исследование. М.: Флинта: Наука, 2002.

Златковский М. Л. А. Н. Майков. 1821–1897 г.: Биографический очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.

Из архива А. Н. Майкова («Три смерти», «Машенька», «Очерки Рима») / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 г. Л., 1978. С. 30–56.

Ланглуа Жан-Шарль // Военная энциклопедия: В 18 т. СПб., 1914. Т. 14. С. 480.

[*Майков А. Н.*] Выставка императорской Академии Художеств в 1849 году // Отечественные записки. 1849. Т. 67, № 11. Отд. II. С. 19–40.

Майков А. Н. Письма 1847–1867 гг. / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л., 1977. С. 72–121.

Майков А. Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. О. В. Седельниковой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.

Прийма Ф. Я. Поэзия А. Н. Майкова // Майков А. Н. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1977. С. 5–44.

Седельникова О. В. Ф. М. Достоевский и кружок Майковых. Томск: Изд-во ТПУ, 2006.

Степанов Н. Л. Аполлон Майков // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М.: Худож. лит., 1966. С. 253–287.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950.

Ямпольский И. Г. Из архива А. Н. Майкова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 24–52.

Ямпольский И. Г. Неизданные стихи и письма А. Н. Майкова об А. С. Пушкине // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 43–57.

Ямпольский И. Г. Из заметок историка литературы. А. Н. Майков о Н. А. Некрасове // Русская литература. 1992. № 2.